

КОРОВЬЕВ СКАЗАЛ ПРАВДУ (И. И. ПАНАЕВ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Александр Федута

Минск

Сцена в «Мастере и Маргарите», послужившая поводом для настоящего исследования, памятна всем, кто хоть однажды читал бессмертный булгаковский роман. В 28-й главе, названной «Последние похождения Коровьева и Бегемота», неразлучная парочка пажей-шутов Воланда прибывает в Дом Грибоедова, чтобы окончательно надругаться над звездами МАССОЛИТа. Гражданка, уполномоченная проверять членские билеты, отрицает за ними право посещения элитарного заведения, однако Арчибалд Арчибалдович, заведующий писательским рестораном, приказывает Софье Павловне (так, совершенно по-грибоедовски, зовут привратницу) пропустить незваных гостей. Та, выполняя приказ начальства, лишь спрашивает фамилии новоявленных литераторов.

«[...] и Софья Павловна покорно спросила у Коровьева:

– Как Ваша фамилия?

– Панаев, – вежливо ответил тот»¹.

Как нам кажется, Коровьев не лгал. Или, во всяком случае, сказал почти правду. Попытаемся обосновать свою точку зрения.

Комментаторы булгаковского романа упорно обходят вопрос о том, почему, собственно говоря, Коровьев представляется Панаевым. Ограничиваются упоминанием Панаева как такового. Так, например, Б. М. Гаспаров в работе «Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”» говорит лишь о том, что Панаев и Скабичевский – «два деятеля 60-70-х годов, имеющих довольно близкое отношение к “бесованию”» (исследователя интересует связь романа Булгакова с творчеством Ф. М. Достоевского)². В известных комментариях Г. А. Лескиса не указывается, какой именно из Панаевых имеется в виду. Лишь отмечается: «В русской литературе известны два Панаева: В. И. Панаев (1792–1859), поэт, автор сентиментальных идиллий, и И. И. Панаев (1812–1862), прозаик, один из редакторов журн. “Современник”»³.

¹ Роман «Мастер и Маргарита» цит. по изд.: М.А. Булгаков, *Собрание сочинений. В 5 т.*, Москва, Худ. лит., 1990. Т. 5, с. 344. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках имени автора и страницы.

² См.: <http://novruslit.ru/library/?p=25>.

³ Г. А. Лескис, «Комментарии», М. А. Булгаков, *Собр. соч.* Т. 5, с. 662–663.

Однако внешность Коровьева не оставляет сомнений: речь идет не о чиновном дядюшке В. И. Панаеве, который не имел права носить усы, поскольку проходил по гражданскому ведомству, а о племяннике – об И. И. Панаеве. Достаточно вспомнить, как описывает Коровьева автор:

«Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая. [...] ... и в начинающихся сумерках Берлиоз отчетливо разглядел, что усишки у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брючки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки» (Булгаков, 8, 47).

Вряд ли отличавшийся с молодости франтоватостью Иван Иванович Панаев носил грязные белые носки, но вот физиономия Коровьева и впрямь напоминает едва ли не самое известное изображение редактора «Современника» – литографию П. Бореля. На литографии сидит немолодой человек, довольно худой, лохматый, с торчащими в сторону лихо подкрученными усами. Взгляд грустный и ироничный (хотя вряд ли можно сказать, пьян Иван Иванович или трезв – скорее, трезв). Брючки на нем не клетчатые, однако в мелкую полосочку, что тоже видно. В общем, внешнее сходство между Коровьевым и Панаевым, на наш взгляд, есть.

Как есть и сходство внутреннее. Коровьев – абсолютное, законченное воплощение иронического отношения к жизни – но, вместе с тем, он легко испытывает сострадание, если человек того заслуживает (например, сцена бала у сатаны, где он явно сочувствует стра-

дающей Маргарите). Но ведь именно ирония характерна для многих произведений И. И. Панаева: вспомним, что Панаев является классиком фельетона и литературной пародии⁴.

Однако гораздо более важно то, что, на наш взгляд, Булгаков знал Панаева не только по литографии П. Бореля, достаточно широко известной, хотя и неопубликованной в имевшемся в его библиотеке издании воспоминаний Панаева 1928 г. Высока вероятность того, что он читал Панаева и даже использовал один из его мотивов в «Мастере и Маргарите».

Как отметил А. И. Рейтблат, во второй половине XIX в. получил широкое распространение «роман литературного краха», в котором повествовалось «о талантливом и “идейном” литераторе, который хочет писать “правду”, осмысляя современную жизнь, просвещая и воспитывая читателя и способствуя социальному прогрессу. [...] Постепенно “идейный” литератор убеждается, что писать так, как хочешь, и то, что хочешь, и при этом прожить на литературный гонорар нельзя, нужно либо “продать” себя, сотрудничая в газете или иллюстрированном журнале и поставляя то, что там пойдет (а то и работая на заказ), либо уйти из литературы (то есть перестать писать, умереть и т.д.)»⁵. Проис-

⁴ Мы не рассматриваем подробно литературную позицию и особенности творчества И. И. Панаева, проанализированные в глубоких, не потерявших своего значения работах И. Г. Ямпольского. Например: И. Г. Ямпольский, «Литературная деятельность И. И. Панаева», *И. Г. Ямпольский, Поэты и прозаики. Статьи о русских писателях XIX – начала XX в.*, Ленинград: Худож. лит., 1986, с. 23–91.

⁵ А. И. Рейтблат, «“Роман литературного краха” в русской литературе конца XIX – начала XX века»,

ходит капитуляция: герой либо бросает литературу, либо кончает с собой, либо приспособляется к жизни. Причем автор, проецируя судьбу своего героя на некий не свершившийся вариант собственной судьбы, искренне сочувствует ему – пусть даже и осуждая неудачника. Среди предтеч этого типа Рейтблат называет, в частности, «Тысячу душ» А. Ф. Писемского.

Однако очевидно, что значительно ранее «Тысячи душ» (1858) была опубликована повесть И. И. Панаева «Литературная тля» (1843), в которой мы имеем дело с той же, употребляя термин Рейтבלата, «формулой» «литературного краха». Причем здесь, на примере судьбы литератора Кинаревича, можно увидеть, как зарождается тот вариант решения «формулы», который будет повторен в романе Булгакова.

Бездарный Кинаревич (прообразом которого послужил Л. В. Брант⁶), потрясенный разгромной рецензией главного героя повести – Гребешкова, сходит с ума:

«Кинаревич совершенно потерялся; он недели две не выходил из дома, не пускал к себе никого и в припадке отчаяния беспрестанно разговаривал сам с собою. [...]

– Это ничего, ничего, – говорил он однажды Скворевичу, часто навешавшему его во время болезни, – я напишу, вот ты увидишь, такое колоссальное произведение,

А. И. Рейтблат, От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы, Москва: Новое литературное обозрение, 2009, с. 319.

⁶ См.: И. Г. Ямпольский, «Из истории литературной борьбы начала 1840-х годов («Петербургский фельетонист» и «Литературная тля» И. И. Панаева)», *И. Г. Ямпольский, Указ. соч.*, с. 101.

которое подавит всех этих жалких крикунов, завистников моего таланта. В голове моей шевелится теперь такая ядовитая сатира на них...

– И, братец, – перебил Скворевич, прихлебывая ром, – охота же тебе... Что, братец, с ними связываться; плюнь на них...

– Нет, нет!.. – Кинаревич схватил с своего стола гипсовую статульку какого-то великого мужа, бросил ее на пол и начал топтать ногами. – Вот я как раздавлю их!

Скворевич с удивлением посмотрел на него. Кинаревич вдруг зарыдал, как ребенок, и начал бормотать бессмысленные и невнятные речи, указывая на гипсовые обломки... Он был в жару. Скворевич уложил его в постель и послал за доктором. Когда доктор явился, больной принял его за какого-то журналиста, злобно бросился на него и потом, отступив шаг назад и подняв руку вверх, начал читать ему наизусть отрывок из своей брошюрки на рецензентов⁷.

Вероятно, не будь столь очевидной авторская ирония Панаева, сыгравшего со своим героем дьявольскую шутку, комментаторы «Мастера и Маргариты» могли бы разглядеть в этой коллизии судьбу булгаковского Мастера, сошедшего с ума после разгромных рецензий на свой роман. В любом случае, о гениальности романа Мастера мы знаем лишь потому, что смотрим на него глазами то влюбленной Маргариты, то Воланда, то, наконец, оказавшегося в соседней палате психиатрической лечебницы Ивана Бездомного. Вряд ли влюбленная женщина, дьявол и сумас-

⁷ Повесть «Литературная тля» цит. по изд: *И. И. Панаев, Сочинения*, Ленинград: Худож. лит., 1987, с. 408–409. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках имени автора и страницы.

шедший виршеплет могут считаться объективными судьями в споре автора с читателями и критиками. Но, в конце концов, и это не есть доказательство того, что Булгаков читал «Литературную тлю» и списал Мастера с Кинаревича: не исключено, что он попросту развернул метафору «с ума сойти от такой рецензии можно».

Однако вспомним, что в сумасшедшем доме у Булгакова сидят двое писателей. Одного из них – Ивана Бездомного – туда доставляет его же коллега Александр Рюхин. Но ведь точно так же доставляет в «желтый дом» Кинаревича его собрат по перу Скворевич:

«Хлопоты Скворевича после многих препятствий увенчались успехом; он нанял карету и повез несчастного своего приятеля в его последнее убежище» (Панаев, 409).

И, что еще более важно, ощущение близости к этому «последнему убежищу» и трагизм ситуации способствуют перерождению Скворевича, совсем по-иному оценивающему теперь мир:

«Скворевич молчал. Никогда ему не было так тяжело, как в эту минуту. Пасмурное осеннее небо, мелкий дождик, более похожий на туман, по сторонам дороги ветхие заборы и палисадники, обнаженные деревья, да между ними дачи с наглухо заколоченными окнами и человек, сидевший возле него со впалыми щеками, с бессмысленным взглядом и с бессмысленными речами, – все это как-то необыкновенно на него подействовало. Он, может быть, первый раз в жизни тяжело вздохнул и, махнув рукою, прошептал: “Ох, скучно!” Но если б мог понять Скворевич, какой ядовитой и горькой иронией на него был этот бедняк, помешавшийся на литературе

и возбуждавший в нем такое сострадание, он, верно, вздохнул бы еще тяжелее» (Панаев, 409–410).

Но ведь так же тяжело действуют на булгаковского Рюхина горькие слова, брошенные ему в лицо сданным им в психушку Иванушкой Бездомным:

«Настроение духа у едущего было ужасно. [...] Да, стихи... Ему – тридцать два года! В самом деле, что же дальше? – И дальше он будет сочинять по несколько стихотворений в год. – До старости? – Да, до старости. – Что же принесут ему эти стихотворения? Славу? “Какой вздор! Не обманывай-то хоть сам себя. Никогда слава не придет к тому, кто сочиняет дурные стихи. Отчего они дурны? Правду, правду сказал! – безжалостно обращался к самому себе Рюхин. – Не верю я ни во что из того, что пишу!...”» (Булгаков, 72–73).

Разумеется, разница есть. В отличие от панаевского Скворевича булгаковский Рюхин способен к саморефлексии: он не просто проецирует судьбу сошедшего с ума Бездомного-Понырева на судьбу собственную, испытывая от этого естественную тяжесть, но и трезво оценивает правдивость услышанного обвинения в бездарности. Однако заканчивается эпизод совершенно одинаково – по крайней мере, внешне:

«[...] на возвратном пути тяжесть несколько отлегла от сердца Скворевича. Он сказал самому себе: “А что, не выпить ли этак целительного ямайского лоделаванца?” – и заехал в “Марьину Рошу”, что на Петергофской дороге» (Панаев, 410)

– так заканчивает эпизод с безумным литератором Панаев⁸.

⁸ Отметим также, что «Марина Роша» – место вполне «литературное»: так называлось самое

А вот, как ведет себя Сашка Рюхин в романе Булгакова:

«Через четверть часа Рюхин, в полном одиночестве, сидел, скорчившись, над рыбцом, пил рюмку за рюмкой, понимая и признавая, что исправить в его жизни уже ничего нельзя, а можно только забыть» (Булгаков, 74).

Можно искать и другие элементы сходства в двух эпизодах безумия и заключения литератора в сумасшедший дом. Скажем, в припадке помешательства панаевский Кинаревич «схватил с своего стола гипсовую статушку какого-то великого мужа, бросил ее на пол и начал топтать ногами» (Панаев, 408–409). На наш взгляд, это абсолютная реализация того неартикулированного желания, которое явно овладевает булгаковским Рюхиным при проезде мимо бронзового памятника Пушкину:

«Какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю...Что-нибудь особенное есть в этих словах: “Буря мглою...”? Не понимаю!..» (Булгаков, 73).

Разница в качестве материала: бронзу не растопчешь, а вот гипсовую статушку – вполне.

Наконец, показательно, что «тле» («массолитовцам» XIX в.) Панаев недвусмысленно противопоставляет Гоголя:

«Уже миновалась пора ее [литературы. – А.Ф.] детских, напыщенных, риторических восторгов и чувствительных вздо-

хов – и появляются среди нее люди, которые “сквозь видимый миру смех и невидимые слезы” начинают вглядываться в окружающую их действительность. Уже нестройные и бессмысленные крики литературных тлей заглушает иногда громкое и могучее слово человека с убеждением» (Панаев, 433).

Точно так же осуждающим массолитовские гульбища фоном в булгаковском романе встают тени Пушкина, Гоголя и Грибоедова.

Но есть и еще одна существенная деталь, которая вынесена в название настоящей статьи. Несмотря на кажущуюся взаимозаменяемость фамилий Панаева и Скабического, которыми представляются Коровьев и Бегемот, именно Коровьеву фамилия Панаева, что называется, подходит. Дело даже не в сходстве портретов булгаковского персонажа и некрасовского сподвижника. Дело в той роли, которую Коровьев играет в булгаковском романе.

Если мы вспомним, патрон Коровьева – Воланд – тщательно отрицает какую-либо свою причастность к происходившему на сцене московского Варьете сеансу черной магии: «Ну вот моя свита [...] и устроила этот сеанс, а я всего лишь сидел и смотрел на москвичей» (Булгаков, 202). Точно так же, в принципе, Воланд не совершает никаких поступков, которые вызывают пожары, скандалы, драки и т.п. «Постановщиком» их – если уж окончательно уподобить описанную в булгаковском романе московскую жизнь театральным подмосткам – является Коровьев. В том числе, именно он фактически «режиссирует» весь сюжет, связанный

известное прозаическое произведение В. А. Жуковского. Трактир под тем же названием может рассматриваться как своеобразный аналог ресторана «Дома Грибоедова» у Булгакова.

с реалиями литературного быта советской столицы (если не считать ночного полета Маргариты, к которому причастен другой демон – Азazelло). Именно Коровьев фактически определяет всю линию, связанную с помещением Ивана Бездомного в сумасшедший дом. Но точно так же Панаев «режиссирует» трагикомедию литературного быта России середины XIX в. в своих повестях и фельетонах – в том числе и в повести «Литературная тля», персонажа которой, Кинаревича, как мы помним, помещают в сумасшедший дом.

При этом, рисуя совершенно «биологическое» существование «творческой элиты» (писатели заняты либо поглощением пищи, либо «пожиранием» себе подобных), Булгаков словно следует заветам Панаева, у которого, скажем, очерк «Петербургский фельетонист» сопровождался подзаголовком «Зоологический очерк». Да и в целом Панаеву была близка «концепция, согласно которой обрисовку того или иного человеческого типа можно строить по образцу научного описания живот-

ного или насекомого»⁹. Коровьев, который безжалостно-отстраненно наблюдает за людьми, проводит эксперименты с их участием, причем эксперименты зачастую экстремальные (вспомним пожар в Доме Грибоедова), в этом отношении такой же автор своеобразного «физиологического очерка», как и Панаев. Это еще одно сходство между автором «Литературной тли» и булгаковским персонажем.

Сделаем вывод. На наш взгляд, в «писательской» сюжетной линии «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова чувствуется не только несомненное влияние комедии А. С. Грибоедова, засвидетельствованное автором в названии учреждения, послужившего местом происшествия¹⁰, но и отражение читательских впечатлений от произведений И. И. Панаева, причем не только текстов, но и самой личности и авторской позиции писателя.

⁹ М. Отрадин, «Творчество Ивана Панаева», *И. И. Панаев, Указ. соч.*, с. 11.

¹⁰ См. об этом: Ю. Н. Борисов, «Грибоедов в ассоциативном контексте романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”», *Проблемы творчества А. С. Грибоедова*, Смоленск, 1994, с. 221–230.

KOROVJEVAS SAKĖ TIESĄ (I. PANAJEVAS M. BULGAKOVO ROMANE „MEISTRAS IR MARGARITA“)

Aleksandras Feduta

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjama galima Ivano Panajevo, rusų „antro plano“ prozaiko, įtaka Michailo Bulgakovo romanui „Meistras ir Margarita“. Romane Panajevas yra minimas, nors pati jo kūrybos įtaka iki šiol netyrinėta. Straipsnyje keliama versija,

jog Panajevas galėjo tapti Bulgakovo personažo Korovjevo prototipu, o Panajevo apysaka „Literatūros amaras“ galėjo turėti įtakos kuriant kai kurias romano „Meistras ir Margarita“ siužeto situacijas.

Получено: 2011, сентябрь

Принято: 2011, сентябрь

Адрес автора:

Минск

ул. Белецкого, д. 4, кв. 119
220117 Республика Беларусь
e-mail: feodor1964@yandex.ru